

Страхов Игорь Игоревич

О ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ М. М. ПРИШВИНА

В статье рассматриваются ключевые особенности топонимического пространства творчества российского и советского писателя М. М. Пришвина: в частности, высокая степень автобиографизма, преимущественное использование реальной топонимической лексики, отражение концепций "творческого поведения" и "родственного внимания". Названы наиболее частотные топонимы его художественных произведений, приведены примеры ономастического анализа топонимикона Пришвина.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-3/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. III. С. 180-182. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'373.21

Филологические науки

В статье рассматриваются ключевые особенности топонимического пространства творчества российского и советского писателя М. М. Пришвина: в частности, высокая степень автобиографизма, преимущественное использование реальной топонимической лексики, отражение концепций «творческого поведения» и «родственного внимания». Названы наиболее частотные топонимы его художественных произведений, приведены примеры ономастического анализа топонимикона Пришвина.

Ключевые слова и фразы: литературная ономастика; топонимия; топонимическое пространство; автобиографизм; М. М. Пришвин.

Страхов Игорь Игоревич

*Воронежский государственный университет
istrakhov@yandex.ru*

**О ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ М. М. ПРИШВИНА ©**

Необычайно живой интерес М. М. Пришвина к топонимам находил свое отражение как в дневниковых записях писателя, так и в его художественном творчестве, где можно обнаружить немало примеров обращения автора к их народной и научной этимологии. Мысли самого Пришвина по поводу тех или иных географических названий также в его текстах нередки. Иногда они становятся поводом к философским размышлениям автора-рассказчика.

Интерес писателя к именам географических объектов, наложивший отпечаток на формирование топонимического пласта лексики в его творчестве и преимущественное сохранение реальных географических наименований в художественных текстах, является одним из ключевых положений к осознанию особенностей функционирования топонимии в его художественных произведениях.

Тексты, вошедшие в Полное собрание сочинений М. М. Пришвина (1982-1986), за исключением повести-пересказа «Серая Сова» и дневниковых записей, содержат 1306 топонимов (с вариантами) в 6633 словоупотреблениях.

Треть всех (2211 – 33,3%) топонимических словоупотреблений обязана использованию всего 2,7% от всех топонимических единиц творчества писателя, а именно следующих 35 топонимов, являющихся самыми частотными в его творчестве: *Москва* (всего: 278 словоупотреблений), *Россия* (212), *Петербург* (138), *Север* (109), *Пинега* (85), *Выгозеро* (73), *Волга* (69), *Северная Двина* (69), *Чаща* (68), *Карельский остров* (66), *Норвегия* (62), *Сибирь* (62), *Корабельная Чаща* (61), *Азия* (58), *Выг* (58), *Париж* (55), *Белое море* (53), *Германия* (53), *Дубна* (48), *Америка* (43), *Европа* (39), *Кода* (38), *Переславль-Залесский* (37), *Светлое озеро* (37), *Елец* (34), *Лапландия* (34), *Русь* (33), *Архангельск* (31), *Дальний Восток* (31), *Имандра* (30), *Кавказ* (30), *Повенец* (30), *Поморье* (30), *Берлин* (29), *Туманная гора* (28). Все они тесно связаны с биографией писателя, с местами его постоянного проживания либо путешествиями, что подтверждает высокую степень автобиографичности творчества Пришвина.

Большинство топонимов, встречающихся в художественных произведениях Пришвина, обнаруживаются на современной или исторической карте без специального исследования или же их можно приписать к определенной местности по контексту произведения. Соответственно, большая часть топонимов легко классифицируется по местоположению денотатов в реальном пространстве. Наиболее освещенными Пришвиным регионами являются территории современной Ярославской области, Республики Карелии, Архангельской области, Приморского края, Московской области, Мурманской области.

На фоне предельно внимательного отношения Пришвина к заглавиям, которые он, в отличие от многих других писателей, брал на себя смелость менять уже после первых состоявшихся публикаций, интересен факт, что 11,5% заглавий (как произведений, так и частей произведений) Пришвина содержат имена собственные, из них 46,3% включают один или несколько топонимов, в то время как антропонимы присутствуют в 38,2% заголовках с онимами. Замечено, что топонимы в составе заголовков появляются у Пришвина там, где важно с самого начала обозначить хронотоп произведения или части произведения, там, где *место* играет важную или сюжетообразующую роль.

Интересна эволюция *отношения* писателя к своей малой родине (селу Хрущёву-Лёвшину, городу Ельцу и его окрестностям, к так называемому русскому подпестью вообще). Изменения хорошо просматриваются через использование автором соответствующих топонимов в художественных произведениях разных лет. От умолчания (в очерках и рассказах середины 1900-х годов, написанных по впечатлениям от визитов на родину, почти нет топонимов, указывавших на конкретные места) и кодирования (*Х.* вместо *Хрущёво*) в ранних текстах к концу жизни писатель приходит к прямым признаниям в любви к утраченной малой родине: «... мне кажется, будто я вернулся в Хрущёво, в лучшее, прекрасное место, какого и не бывало на свете» [1, с. 91]. Контекстуальный анализ функционирования в творчестве Пришвина топонимических единиц, связанных с его

малой родиной, иллюстрирует тот факт, что употребительность является не единственным показателем значимости того или иного топонима в авторской картине мира – топонимическое пространство малой родины писателя, представленное в его художественном творчестве сравнительно бедно, имеет большой коннотативный потенциал и является важной вехой авторской картины мира.

Однако ядерными топонимами художественного творчества М. М. Пришвина все же являются *Москва*, *Петербург* и *Россия*, причем не только в связи с наибольшей частотностью, но и по причине активного их использования в произведениях разных лет и разных жанров. Они, безусловно, нередко выполняют в текстах дифференциально-локализирующую функцию, но ряд словоупотреблений обнаруживает аккумуляцию коннотативных значений – как узуальных, так и окказиональных. При этом многие коннотации связаны с биографическими фактами.

Например, *Москва* осмысливается в художественных текстах М. М. Пришвина как город *власти*, *государственной инициативы* и *деловых отношений* не только в соответствии с узуальными коннотациями. Москва для Пришвина вплоть до 1937 г., когда он смог жить там постоянно, была местом, куда он отправлялся после подмосковной охоты на «охоту» за гонорарами. В Москве он бывал в высших кругах государственной власти, там же его судьбу решали функционеры – в том числе функционеры от литературы.

Показательно, что активно упоминавшийся в прозе Пришвина первой четверти XX века Петербург «уходит» из творчества писателя в конце 20-х гг. после последнего посещения города (1928 г.) и затем возвращается лишь раз – в своеобразной оде Петербургу «Город света», при этом сам топоним Петербург становится маркером прошлого, ведь Ленинград для Пришвина – «тот, да не тот» [4, с. 421].

Москва и *Петербург* фактически маркируют два этапа жизни писателя: российский и советский, соответствуя при этом двум этапам жизни страны. Здесь уместно вспомнить утверждение О. И. Фояковой о том, что «название столичного города нередко становится в поэзии символом жизни целого народа или периода жизни отдельного человека» [6, с. 74]. Как видно, не только в поэзии.

Анализ топонимов Русского Севера, использованных М. М. Пришвиным в художественных текстах, выявляет основные авторские приемы включения этих единиц в текст как средств художественной выразительности (индуцирование коннотативных значений, этимологизация, использование топонима в качестве маркера хронотопа, мифологизация реальных топонимов и др.) и их высокий стилистический потенциал, поразному реализующийся в разных контекстах и произведениях, а также их автобиографический характер.

Важнейшим для пришивинского Севера населенным пунктом является село *Надвоицы*, где разворачивается часть действия романа «Осударева дорога». В *Надвоицах* Пришвин бывал в 1906 г. Изначально село *Надвоицы* стало одним из основных мест действия этого произведения из-за близости к Шлюзу № 10 Беломорско-Балтийского канала, строительство которого Пришвин и хотел изобразить в книге, так как он очень впечатлил писателя во время путешествия 1933 г., а «в Надвоицах... строительство узла было виднее, чем где бы то ни было» [5, с. 120]. Это название очень удачно вписывалось в общую топонимическую картину, имея тот же корень, что *Надвоицкий падун* и *Воицкое озеро*.

Изучение отражения реального топонимического пространства Сибири и Дальнего Востока в художественных текстах М. М. Пришвина позволяет понять характер функционирования одних и тех же реальных топонимов, «привезенных» Пришвиным из путешествий, в составе художественного текста разных жанров: в очерках и в «сказках». Анализ топонимии позволяет проследить зависимость принципов отбора такой лексики от жанровой принадлежности произведения, а также понять особенности окказионального индуцирования сем. Сопоставление литературных топонимов с фактами биографии писателя показывает, что большинство имен реально и что их использование имеет под собой биографические основания.

Название реально существующего мыса *Орлиное гнездо* упоминается и в дневнике писателя [2, с. 476], и в книге «Золотой Рог» [3, с. 545]. В повести «Жень-шень» название заново рождается как бы «на глазах» читателя: здесь рассказчик обнаруживает орлиное гнездо и наблюдает бой орла и оленухи Хуа-лу, и после боя мыс получает название *Орлиное гнездо* уже от рассказчика. Разорив гнездо хищника, он устраивает здесь оленье хозяйство. Любопытно, что жизнь этого топонима в рамках произведения сходна с судьбой многих реальных топонимов: исходный мотивирующей денотат исчезает, а название остается. *Орлиное гнездо* – пример пришивинского приема адаптации для художественного текста реальных топонимов путем создания новых, «живых», мотивов номинации, показанных читателю в действии.

Анализ топонимического пространства творчества М. М. Пришвина позволяет выявить особенности функционирования топонимов в его художественном творчестве. Привлечение дневников писателя способствует более глубокому пониманию авторских интенций и принципов построения художественного текста, выявлению степени автобиографизма тех или иных топонимических единиц.

Творческая концепция М. М. Пришвина, заключающаяся в так называемом «творческом поведении», безусловно, находит свое отражение в его литературной топонимии. Яркой особенностью его топонимического творчества является в этом плане адаптация реальной как в географическом, так и в биографическом рассмотрении топонимической лексики для художественных целей. Пришвин крайне редко использует вымышленные топонимы для актуализации определенных значений – напротив, смыслы в основном актуализируются средствами избранных реальных топонимов, обретающих необходимые коннотации. Нельзя также не отметить, что Пришвин вносит в язык литературы большое количество малоизвестных географических имен, что связано с писательской интенцией: особенности и колорит тех или иных мест, фигурирующих в его произведениях, легко подчеркиваются характерными именами собственными. Такие топонимы служат не только средством дифференциации и локализации, но и несут пришивинскую идею «родственного внимания» к окружающему миру.

Список литературы

1. Пришвин М. М. Глаза земли // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Худож. лит., 1982-1986. Т. 7. С. 86-459.
2. Пришвин М. М. Дневники. 1930-1931. СПб.: Росток, 2006. Книга седьмая. 704 с.
3. Пришвин М. М. Из книги «Золотой Рог» // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Худож. лит., 1982-1986. Т. 4. С. 428-581.
4. Пришвин М. М. Кашеева цепь // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Худож. лит., 1982-1986. Т. 2. С. 5-483.
5. Пришвин М. М. Осударева дорога // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Худож. лит., 1982-1986. Т. 6. С. 6-215.
6. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990. 103 с.

ON TOPONYMICAL SPACE IN THE LITERARY TEXTS BY M. M. PRISHVIN

Strakhov Igor' Igorevich
Voronezh State University
istrakhov@yandex.ru

The article examines the crucial peculiarities of the toponymical space of the Russian and Soviet writer M. M. Prishvin: in particular, strong autobiographical character, preferential use of the real toponymical vocabulary, representation of the concepts "creative behaviour" and "kinship care". The paper mentions the most frequent toponyms of his literary works, provides examples of onomastic analysis of Prishvin's toponymicon.

Key words and phrases: literary onomastics; toponymy; toponymical space; autobiographical character; Prishvin.

УДК 811.11(075.8)

Филологические науки

В статье в рамках функциональной прагмалингвистики осуществляется анализ речевого поведения участников речевого акта совета в художественных текстах от первого лица. Выявляются две возможности представления коммуникантов: участники речевого акта являются не автором, а персонажами текста, и во втором случае адресантом выступает персонаж текста, а адресатом – автор. Речевой акт нейтрального и настоящего совета протекает по-разному. Совет может быть как игнорирован, так и отклонен адресатом. И в этом случае адресат объясняет свой отказ или игнорирует совет без комментария. Исследование проводится на материале немецкого языка.

Ключевые слова и фразы: функциональная прагмалингвистика; речевой акт нейтрального и настоящего совета; речевое поведение коммуникантов; немецкие художественные тексты от первого лица.

Тарасова Екатерина Борисовна

Московский городской педагогический университет
Taraz_tarazov@list.ru

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТА
ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА В НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ[©]**

Прагмалингвистика относится к разряду лингвистических дисциплин, выступает как самостоятельный раздел коммуникативной лингвистики. Это одно из направлений современной прагматики и, по замечанию И. П. Сусова [8, с. 4], изучает отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий/пишущий и слушающий/читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания [7, с. 269; 8]. По мнению Г. Г. Матвеевой, выделяется два вида прагмалингвистики – функциональная и скрытая прагмалингвистика. Функциональная прагмалингвистика изучает речевую деятельность отправителя текста с продуманным намеренным выбором иллюкций, а в скрытой прагмалингвистике исследуется интуитивный привычный выбор речевых сигналов актуализации речевого поведения отправителя текста [5].

В данной статье с позиций функциональной прагмалингвистики исследуется прагматика воспроизведения нейтрального и настоящего совета в немецких художественных текстах от первого лица. Данный вид речевого акта (совет) неоднозначно определяется в прагмалингвистике. Его относят к побуждающим речевым актам (директивам) [3; 10]. Другие лингвисты считают его суггестивом (как и *предупреждение, рекомендацию, предостережение и предложение*) [1; 4; 13]. В диссертации А. В. Солдатовой речевые акты совета называются суггестивными и причисляются к директивным речевым актам [6]. Третье направление